

ПЕЧАТЬ И ПЛАМЯ

ИВАН РЕСТОРОВ

Иван Ресторов

Печать и Пламя

«Автор»

2026

Ресторов И.

Печать и Пламя / И. Ресторов — «Автор», 2026

Его называли пустотой. Он стал пламенем. Принц Алистер лишен магии и презираем отцом-тираном. Его единственный шанс на месть — принять силу древнего бога и внедриться в стан врага как шпион. Но в королевстве людей он находит не только врагов, а семью, которая готова его принять. Теперь Алистер стоит перед выбором: остаться орудием ненависти или стать тем, кого он поклялся уничтожить. «Печать и Пламя» — это история о том, как предательство становится почвой для новой жизни. И о цене, которую приходится платить за право называться человеком.

© Ресторов И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ. ЧАСТЬ I: КОГДА МИР БЫЛ ЗОЛОТЫМ	5
ПРОЛОГ. ЧАСТЬ II: ТРЕЩИНА	7
ПРОЛОГ. ЧАСТЬ III: ПОБЕГ И ПЕЧАТЬ	9
ПРОЛОГ. ЧАСТЬ IV: НОВАЯ ДИНАСТИЯ	11
ГЛАВА 1. ВЕТЕР С ПЕПЕЛИЩА	13
ГЛАВА 2. РЕШЕНИЕ	17
ГЛАВА 3. АРЕНА И ПОСЛЕДСТВИЯ	18
ГЛАВА 4. ОТЕЦ И СЫН	21
ГЛАВА 5. КОРОЛЕВСТВО ЛЮДЕЙ И СЕМЕЙНЫЙ РАЗЛАД	23
ГЛАВА 6. СОВЕТ У НЕФАРИЯ	25
ГЛАВА 7. ПРОНИК	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Иван Ресторов

Печать и Пламя

ПРОЛОГ. ЧАСТЬ I: КОГДА МИР БЫЛ ЗОЛОТЫМ

Мир был молод и дик, раздираем яростью первозданных стихий. Из недр ревел Гагромонт — его тело было горной грядой, а гнев — землетрясениями. С небес палил Рагнарос, дух чистого пламени, желавший обратить всё сущее в пепел, чтобы начать заново.

И против них встал Нефарий.

Не просто дракон. Идея. Порядка, цивилизации, воли, способной обуздать хаос. Битва длилась годы и перекроила материки. Нефарий не уничтожил титанов — он сковал их. Силой воли и магии он вогнал Гагромонта в вечный сон в самых глубоких недрах мира, а пламя Рагнароса рассеял по вулканам, лишив сознания и формы.

На пепелище этой войны родилась эпоха Драконов. Золотой Век. Нефарий-основатель и его супруга Алекстраза, чья магия Жизни исцелила выжженные земли, правили не страхом — благодарностью. Они были не монархами. Отцом и матерью нового мира.

Солнце в Изумрудных Садах светило тепло и снисходительно. Оно освещало не дворец — дом. Стены из светлого камня помнили не войны — смех.

Первым родился Калесгоз. Нефарий, чья мощь сминала горные хребты, двумя пальцами взял крошечную ладошку сына.

— Он не слышит зов стихий, — тихо сказала Алекстраза. Её дар чувствовал тишину в магии младенца.

— Зато в нём грохочет эхо наших гор. — Нефарий улыбнулся. Без разочарования. С гордостью. — Будет нашей скалой. Тем, что держит небо.

Калесгоз рос, и его сила поражала. Нефарий сам учил его основам боя. В этих уроках не было жестокости — только восторг отца, видящего, как в сыне расцветает иная, несломленная грация мощи.

Потом родилась Валерия. С первого вздоха в ней запела магия — не грубая сила дракона, а что-то светлое, мелодичное. Она унаследовала огонь отца, но не ярость вулкана, а тепло очага. Светлые волосы, золотистые глаза — уже в младенчестве она была почти болезненно красива. Нефарий, замороженный, часами слушал её лепет, в котором чудились отголоски древних рун.

— В ней моя суть, — говорил он Алекстразе. — Очищенная твоей мудростью.

В его голосе звучало благоговение. Любовь иная, чем к Калесгозу. Более трепетная, удивлённая.

На пиру в честь рождения Валерии поднялся древний Мареониз, синий дракон-мудрец, чьи глаза видели узоры судьбы. Он посмотрел на Алекстразу — её живот уже носил новую жизнь — и заговорил. Голос его был подобен шуму океана.

— В третьем твоём чаде, королева, сойдутся два начала. Огонь и Жизнь. Мощь и Мудрость. Он вберёт силу того, кто положил конец хаосу, и дар той, кто дал начало миру. Не просто наследник. Венец. Веха. Сама суть нашей эпохи, воплощённая в плоти.

Зал замер — и взорвался ликованием. Нефарий смотрел на жену, и в его глазах горел триумф всего его пути. Его борьба, победа, правление — всё находило высшее оправдание в этом ребёнке.

Алистер родился в ночь, когда над дворцом пронеслась комета. Пророчество стало плотью. Его магия не дремала и не пела — она пульсировала тихим, вселенским гулом. В младенческих глазах отражались не стены покоев, а бездны и зарницы.

Нефарий взял его на руки впервые и замер. Весь его титанический дар востепенел, узнавая в этом крошечном существе равного. Не преемника. Продолжение.

— Он... — голос Нефария, никогда не знавший дрожи, дрогнул. — О нём будут слагать легенды, когда легенды кончатся.

Не надежда — уверенность. Любовь к Алистеру затмила всё. Но это была не любовь отца к сыну. Творца — к своему величайшему творению. Он видел в нём апофеоз их рода, живое доказательство того, что их эпоха — закономерность мироздания.

Алекстраза смотрела, как муж качает младшего, и чувствовала не радость — ледяной ужас. Она видела не сына в отцовских объятиях. Икону. Артефакт, на который уже возлагали все чаяния империи. Она, Хранительница Жизни, чувствовала, как эта любовь — тяжёлая, собственническая, ослеплённая величием — душит хрупкую судьбу её мальчика.

Она ещё не знала, что этот ужас — лишь тень грядущей беды. Что скоро явится пророчество о «руке человеческой». Что её муж, герой, победивший хаос, превратится в фанатика, готового утопить мир в крови, чтобы защитить наследие сына. И что ей, чтобы спасти будущее одного ребёнка, придётся навеки искалечить его.

Но всё это будет потом.

А в этот миг, в Золотом Веку, солнце светило тепло. Нефарий смеялся, тихо напевая Алистеру древнюю песнь драконов. Калесгоз показывал Валерии, как правильно держать деревянный меч. Алекстраза смотрела на них и молилась, чтобы этот миг длился вечно.

ПРОЛОГ. ЧАСТЬ II: ТРЕЩИНА

Прошли годы. Алистер делал первые шаги, его смех звенел обещанием. Калесгоз уже поднимал тренировочный меч отца. Валерия лепетала первые слова на языке древних рун. Мир казался прочным, как скала.

В один из таких дней пришла весть с восточных рубежей, от драконьих дозорных. Не о нападении — о слове.

Гонец, потрепанный долгой дорогой, стоял в тронном зале, опутив глаза. Голос его был глух — не от страха перед гневом Повелителя, а от того, что он нёс.

— В землях людей, Повелитель, — начал он, — появился пророк. Не маг, не жрец... пастух. Он вещает толпам. Ему верят.

Нефарий, только что игравший с Алистером, медленно поднялся. На его лице не было гнева — только холодная, внимательная сосредоточенность.

— Что он вещает?

Гонец сглотнул.

— Говорит... что Повелитель Драконов падёт. Падёт от руки Избранного. И Избранный этот... человек.

В зале установилась такая плотная, осязаемая тишина, что стало трудно дышать. Даже Алистер затих, уловив перемену в воздухе. Нефарий смотрел в пустоту перед собой, но видел, должно быть, не стены — будущее, расчерченное чужим пророчеством.

Первой заговорила Алекстраза.

— Пророчество — странная вещь, Нефарий. Оно не предсказывает судьбу — формирует её. Страх рождает ярость. Ярость ищет знамя. Эти слова не угроза. Это крик. Крик существа, загнанного в угол.

Нефарий медленно повернулся к ней. В его глазах не было ни любви, ни гнева. Только беспощадная логика — холодная и отточенная, как скальпель.

— Ты видишь страх, Алекстраза. А я вижу зарождающуюся доктрину. Они не просто боятся. Они надеются. Надеются на мою смерть. А надежда опаснее страха. Она сплачивает. Даёт силы бороться. — Его взгляд упал на Алистера, и в нём вспыхнуло что-то тёмное — не гнев, а жуткая, отцовская протекция. — Они говорят не о конце меня. О конце всего, что мы построили. О конце его будущего. Ты хочешь, чтобы наш сын, наш Венец, жил в мире, где сама мысль о нём — призыв к бойне?

Он подошёл к окну, глядя на долины, которые внезапно показались ему полными шевелящихся теней.

— Они плодятся как муравьи. Амбиции растут вместе с численностью. Сегодня — слова. Завтра — мечи. А послезавтра... — Он обернулся, и его лицо стало похоже на маску из старого, потрескавшегося камня. — Послезавтра они решат, что одного Повелителя мало. Нужно выкорчевать корень. наших детей. Наш род. Эту искру надо затоптать, пока не поздно. Ради них. — Он кивнул в сторону детей. — Ради нашего дома.

— Искру? — голос Алекстры дрогнул. — Ты называешь целый народ, миллионы живых душ, «искрой»? Какую цену ты готов заплатить за наш покой, Нефарий? Море крови? Вечное проклятие?

— Всю необходимую. — Его голос прозвучал тихо, но воздух в зале задрожал. — Я положил конец хаосу стихий. Теперь положу конец хаосу, который несут они. Это не жестокость. Это необходимость. Садовник, жалеющий сорняк, губит сад.

Алекстраза смотрела на него — на героя, мужа, отца её детей — и не узнавала. Перед ней стоял стратег, оценивающий угрозу в категориях чистого, безэмоционального расчёта. Его любовь к семье превратилась во что-то уродливое. В оправдание для любого зверства.

Она обняла Алистера, прижала к себе Калесгоза и Валерию. В её сердце бушевала буря. Она любила Нефария. Понимала его страх — как отец, он был прав в одном: мир стал опаснее. Но как Хранительница Жизни, чья суть — защищать, а не уничтожать, она не могла принять его решение. Это было бы предательством самой себя.

Её молчание в тот вечер было не согласием. Приговором. Их браку, союзу, общему будущему. Она стояла на краю пропасти. С одной стороны — муж, предлагающий спасти детей ценой вечного греха. С другой — её собственная сущность, кричащая, что такое спасение хуже гибели.

И в глубине души, ещё неоформленная, родилась мысль: а что, если есть третий путь? Не убивать и не подчиняться. Уйти. Защитить то, что ещё можно спасти, не запятнав руки.

Закат окрасил стены дворца в цвет ржавчины и старой крови. Алекстраза знала: возможно, уже завтра солнце взойдёт над другим миром. Над миром, где она должна будет сделать выбор, который разобьёт её сердце и навсегда изменит судьбу её детей.

ПРОЛОГ. ЧАСТЬ III: ПОБЕГ И ПЕЧАТЬ

Идиллия умерла тихо, за несколько недель. Нефарий больше не обсуждал. Он готовился. В чертогах составляли карты человеческих поселений, маги-оружейники ковали артефакты сокрушительной силы. Воздух пропитался не страхом — ледяной решимостью палача, уверенного в своей правоте.

Алекстраза наблюдала с растущим отчаянием. Попытки говорить разбивались о каменную стену его логики. «Ты выбираешь их, а не нас» — вот что он видел в её глазах. Его любовь не исчезла, она переквалифицировалась. Из любви жены — в любовь к матери его детей, которую теперь нужно оградить от её же мягкости. Он удвоил охрану.

Тогда она поняла: слова кончились. Осталось только бегство.

Но бежать с Алистером было самоубийством. Он был не просто сын — символ, живое пророчество, величайший приз. Нефарий развернул бы всю мощь, чтобы вернуть его. А если вернёт... её мальчика, её Венец, превратят в оружие войны. Его чистую, неосознанную мощь напоят ненавистью отца и направят на тех, кого она пыталась спасти.

Мысль была невыносима.

И в одну из бессонных ночей, глядя на спящего Алистера, её сердце, разрываемое между любовью и ужасом, нашло чудовищное решение. Если нельзя спасти его *для* себя — спасти *от* всех. Даже от самого себя.

Она наклонилась над колыбелью. Пальцы, обычно излучающие тёплый свет исцеления, дрожали. Она собрала всю силу Жизни — и обратила её внутрь. Не для созидания. Для увечья с милосердием.

— Прости, моё солнышко, — прошептала она. Слёзы падали на его лицо. — Лучше быть пустым, чем оружием. Лучше вечным, чем мёртвым.

Зелёный свет хлынул из её ладоней — холодный, едкий, неумолимый. Не лечение — хирургия на самой душе. Он выжигал зачатки драконьей сущности, разрывал связь с магией предков, превращал дракона в человека. В сердце этой искусственной пустоты она зажгла крошечную, неугасимую искру — дар бессмертия. Не благословение. Последний щит. Чтобы даже если его найдут, даже если будут пытаться — он выживет. Он *должен* был выжить.

На груди Алистера вспыхнула и впилась в кожу сложная сияющая руна — Печать Материнской Жертвы. Акт жестокости, сравнимый с тем, что задумал её муж.

Час спустя за ней пришли её верные — те немногие, кто помнил Хранительницу, а не оппозицию. План был прост: вывести детей через старые, забытые туннели.

Но разведка Нефария, предупреждённая его подозрениями, не дремала.

Засада ждала их в каменных лабиринтах. Сторонники Нефария — молчаливые, безжалостные. Короткая яростная схватка в темноте. В хаосе и криках воин, державший завёрнутого в плащ Алистера, был отрезан от группы. Алекстраза увидела, как чья-то рука выхватывает свёрток и исчезает в боковом проходе. Она рванулась за ним — но её удержали.

— Нет! Их слишком много! — капитан, с лицом, залитым кровью, прошипел ей в самое ухо. — Мы потеряем всех!

Спасти двоих здесь и сейчас — или потерять всех, пытаясь вернуть третьего. Сердце матери разорвалось пополам.

Сжав зубы до хруста, чувствуя, как часть души навсегда остаётся в этой темноте, она кивнула.

— Бежим.

Они прорвались к поверхности, к верховым драконам, ждущим на окраине леса. Последнее, что увидела Алекстраза, обернувшись на освещённые окна дворца, — отблеск огня в окне детской. Там, где остался её Алистер. Её величайшая победа и величайшее предательство.

Бегство привело её на восток, в молодые, беспокойные земли людей. Их встретили не с распростёртыми объятиями — с настороженными копьями и страхом в глазах. И тогда вперёд вышел он. Не король, не полководец. Просто человек по имени Элиан, чья деревня первой приняла удар драконьего рейда, а воля не была сломлена. Он посмотрел не на драконов — на испуганные лица её детей.

— У страданий нет расы, — сказал он, опуская копье. — У нас есть стены и еда. Входите.

Рядом с ним, в тяжёлые годы строительства нового королевства из пепла страха, её замёрзшее сердце начало оттаивать. В Элиане не было мощи Нефария, но была нестигаемая стойкость и тихая, ничего не требующая взамен доброта. От этой любви, столь непохожей на всё, что она знала, родилась девочка — Роза.

А когда Розе не было и года, Элиан заболел. Не раной, не ядом — странным, вялым недугом, который иссушал его изнутри. Алекстраза бросала всю свою мощь на его исцеление. Но её магия, рождённая для драконьего естества, скользила по человеческой сути Элиана, как вода по камню. Возможно, плата за их союз. Возможно, его тело просто не могло вместить долгую жизнь рядом с ней. Он умер тихо, держа её за руку. В его последнем взгляде не было упрёка — только покой.

Теперь у Алекстры осталось новое королевство, двое старших детей, чья душа навсегда отравлена воспоминаниями о брошенном брате, и маленькая дочь, в которой народ уже видел ту самую Избранную из проклятого пророчества.

ПРОЛОГ. ЧАСТЬ IV: НОВАЯ ДИНАСТИЯ

Весть о побеге жены обрушилась на Нефария не как гром — он ждал её. Но весть о том, *что* она сделала с Алистером... это было иное. Удар ниже пояса, нанесённый рукой, которую он всё ещё считал своей.

Он стоял в опустевшей опочивальне, глядя на пустую колыбель. Маг-дознаватель, дрожа, докладывал:

— Наследственная магия подавлена, связь с драконьей сутью разорвана искусственно, на груди — печать чудовищной сложности... Он пуст, ваше величество. Бесполезен как источник силы. Бесполезен как наследник.

Слово «бесполезен» — его собственное, когда-то брошенное в гнев — вернулось бумерангом. Но ярости не последовало. Только холодное, бездонное опустошение. Его Венец, живой символ победы и будущего, был не украден — испорчен. Осквернён. Превращён в пародию самой той, кто должна была его защищать.

Любовь к Алекстразе умерла в тот миг, превратившись в тихую, леденящую ненависть. Но Нефарий был не просто мужем. Повелителем. А трон не терпит пустоты. Особенно пустоты наследника.

Взгляд его упал на единственную, кто в эти дни хаоса сохраняла ледяное спокойствие, чья преданность династии не вызывала сомнений: Гвеневру, младшую сестру Алекстры.

Она была полной противоположностью. Где Алекстра излучала тепло жизни, Гвеневра была сдержанна, как горное озеро. Где одна черпала силу из природы, другая была архитектором магии — её разум постиг и подчинил все школы. Её волосы отливали холодным серебром, а в глазах, светлых и прозрачных, никогда не было ни тепла, ни гнева — только расчёт. Красивая. Пугающая. Идеально подходящая для того, что он задумал.

Она не разделяла «сентиментальной ереси» сестры по отношению к людям, видя в них в лучшем случае ресурс, в худшем — угрозу.

Нефарий предложил ей не любовь. Союз. Трон. Место матери для нового, настоящего наследника. Возможность исправить ошибку сестры и укрепить род.

Гвеневра приняла не колеблясь. Но не из жажды власти. В её сердце жило слишком много всего сразу: острая, невысказанная боль за сестру, которая сошла с ума и предала свою кровь; глубокое презрение к этому выбору; и — самое главное — непреложный долг перед своей драконьей сущностью. Предать род она не могла. А значит, должна была стать его новой опорой.

Она часто вспоминала ту ночь — побег, темноту, крики. И думала: *«Что бы сделала я?»* Ответа не было. И это бесило её больше всего.

Их брак был делом государства. Церемония — пышной, но без единой капли того тепла, что когда-то освещало союз Нефария и Алекстры. Скрепление печати на договоре. Договоре о выживании и мести.

Через положенное время родился сын. Виктор. Он был всем, чем должен быть принц крови: сильным, одарённым могучей магией, с чешуёй цвета вулканического обсидиана и пламенем в груди, достойным отца-завоевателя. Его растили как идеальное оружие и наследника, с молоком матери впитывающего мысль о величии их рода и позоре, оставленном где-то в покоях прислуги — в лице того, кого теперь все называли не иначе как «ущербный Алистер».

Гвеневра, наблюдая, как муж лелеет Виктора, иногда ловила себя на мысли о племяннике. О том мальчике с пустыми глазами. Не любовь — её сердце было отдано сыну и долгу. Странная, сестринская грусть. Сожаление. Она понимала ход мыслей Алекстры, даже осуждая её. И где-то в глубине души боялась, что месть Нефария — та же одержимость, которой он когда-то строил империю — приведёт их всех в пропасть глубже той, куда прыгнула её сестра.

Так в империи драконов воцарилась новая династия, построенная на пепле старой. Королева-изгнанница, строящая своё королевство с людьми. Новая королева, ледяная и верная, у трона. Принц-наследник, воспитанный на историях о предательстве тётки и ничтожестве сводного брата.

А в самом низу, в вечных сумерках между миром господ и миром слуг, рос мальчик с пустотой внутри. Пустотой, которая уже начинала потихоньку наполняться. Не любовью, не магией предков — чем-то древним, чужим и невероятно злым. Чем-то, что когда-то было отвергнуто его отцом и теперь, учуяв идеальную ёмкость, протягивало к нему свои безликие щупальца.

ГЛАВА 1. ВЕТЕР С ПЕПЕЛИЩА

Воздух в Королевстве Драконов был тяжёлым и вечно пах серой. Для Алистера этот запах был запахом дома. Дома-клетки.

Он шёл по краю Тренировочного плато, где Виктор, сводный брат и законный наследник, отрабатывал новые манёвры. Крики инструкторов, рёв пламени, восхищённый гул свиты — всё сливалось в оглушительный гул, от которого хотелось зажать уши и бежать. Бежать куда угодно.

Он и шёл. Не разбирая дороги, гонимый не целью — необходимостью убежать. От взглядов придворных — этой смеси жалости, презрения и любопытства. От ледяного молчания отца, в чьём присутствии он всегда чувствовал себя невидимым пятном на гобелене. От самого себя — от тихой, вечной пустоты в груди, что зияла, как незаживающая рана.

«Бесполезный сосуд. Ущербный. Живое напоминание».

Слова, как назойливые мухи, жужжали в голове. Они были его единственным наследием.

Воспоминание врезалось внезапно, как всегда. Он снова сидел в лаборатории Гвеневры — холодной и стерильной. Ему было тогда лет семь, может, восемь. Гвеневра, его тётка, смотрела на него своими прозрачными, светлыми глазами, в которых никогда не было ни тепла, ни зла. Только холодный, безжалостный расчёт.

— Попробуем ещё раз, — сказала она. — Закрой глаза. Представь, что внутри тебя есть искра. Маленькая. Тлеющая. Её не видно, но она есть.

Он закрыл глаза. Старался изо всех сил. Сжимал кулаки так, что ногти впились в ладони. Пытался *почувствовать* то, чего в нём не было.

Ничего.

— Я... я не могу, — прошептал он, не открывая глаз.

Гвеневра вздохнула. Потом позвала других — троих магов-лоялистов, старых, с чешуёй, поблёскивающей на висках. Они встали вокруг него, сплели руки, зашептали на древнем наречии. Потоки магии обрушились на Алистера — горячие, чужие, агрессивные. Они вливались в него, пытались разбудить то, что спало, *должно было* спать.

Алистер закричал.

Это была не боль — хуже. Ощущение, что тебя наполняют чем-то, для чего в тебе нет места. Что-то скреблось внутри, пыталось зацепиться за пустоту — и не могло. Магия скользила по нему, как вода по стеклу, и вытекала обратно.

— Ничего, — сказал один из магов, вытирая пот со лба. — Абсолютно ничего. Он пуст, ваше высочество. Как сосуд, из которого выскребли всё до дна.

Гвеневра долго молчала. Потом кивнула, коротко и жёстко.

— Хватит. Он бесполезен.

Это слово — «бесполезен» — он запомнил навсегда. Не потому, что она сказала его со злостью. Просто констатировала факт. Как погоду.

Она тогда, кажется, хотела ему помочь. А может, просто проверяла, можно ли его ещё использовать. Алистер так и не понял. И уже не хотел.

А потом была другая сцена. Год спустя, может, чуть больше. Он стоял за тяжёлой портьерой в отцовском кабинете — спрятался там случайно, когда слуги забыли закрыть дверь. Нефарий не знал, что сын его слышит.

— Он бесполезен как оружие, — говорил отец кому-то из генералов. — Мать сделала своё дело. Выжгла из него всё, что могло гореть.

— Что прикажете с ним делать, Повелитель? — спросил генерал. — Отослать в одно из поместий? Держать подальше от двора?

Нефарий помолчал. Алистер затаил дыхание.

— Нет, — наконец сказал отец. Его голос был холодным и спокойным, как у человека, который взвешивает выгоду. — Пока он жив, он — козырь. Алекстраза бросила его. Предала. Но если она когда-нибудь решит, что может вернуться... наличие сына в моих руках будет весомым аргументом. Держите его во дворце. Подальше от посторонних глаз, но под присмотром. Он — актив. Сейчас бесполезный, но актив. Не забывайте об этом.

«Актив». Алистер тогда ещё не знал этого слова, но запомнил его по звуку. Оно звучало как клеймо.

Его не вышвырнули. Не сослали. Держали *поближе*, как хрупкую, почти бесполезную вещь, которая когда-нибудь *может* пригодиться в торге. Это было хуже изгнания. Потому что изгнание — это забвение. А здесь его оставляли напоказ, как живое напоминание о предательстве матери и о том, кто здесь настоящая власть.

Он зашёл дальше, чем когда-либо. Зелёные предгорья сменились выжженными, растрескавшимися пустошами. Мёртвая Равнина. Место, куда не ступала лапа дракона веками. Сюда не долетали даже патрули — зачем? Здесь не было ничего. Ни жизни, ни магии, ни смысла.

Земля под ногами была тёплой, почти горячей. Небо цвета старой, покрытой патиной меди. Ни птиц, ни насекомых. Только ветер, нёсший с собой песок и горький запах остывшей лавы.

Алистер шёл, пока ноги не подкосились. Он рухнул на колени, пальцы впились в песок. Не слёзы — их источник высох давно — а сухие, надрывные рыдания вырывались из горла. Здесь, в полной пустоте, он позволил себе ту слабость, которую никогда не мог показать при дворе.

— Я что, и правда лишь тень? — шёпот был едва слышен даже ему самому. — Ошибка, которую все хотят исправить?

В ответ — тишина. И тогда он почувствовал... иное.

Не звук. Вибрацию. Глухой, нарастающий гул из самой земли, из воздуха. Из чёрного разлома в скале неподалёку — трещины, из которой лилось багровое сияние.

Не свет. Зарево. Зарево далёкого, но всё ещё яростного пожара.

Что-то позвало его. Не голос — зов. Похожий на жажду, на голод, на обещание. Зов, который отозвался эхом в пустоте внутри.

Сердце заколотилось — не от страха, от древнего, первобытного предчувствия.

Алистер поднялся. Стёр песок с колен. Оглянулся на сизую дымку вдаль, где был его «дом». Развернулся и шагнул в разлом.

Камни под ногами были гладкими, как стекло, будто их долгие века оплавляло невыносимое пламя. Воздух дрожал от жары, но это был не огонь костра. Первозданная, древняя энергия. Энергия мира до драконов.

В центре пещеры, в гигантском гроте, не было никого. Только колоссальная, едва пульсирующая сфера жидкого огня, висящая в воздухе. Угасающее солнце, заточённое в каменную темницу.

Из пламени родился Голос. Не в ушах — в разуме. Раскатистый, глубокий, как подземный толчок.

— *Кто осмелился прийти в мою гробницу? Тварь из плоти... ты пахнешь страхом... и чешиёй.*

Алистер выпрямился. Унижения при дворе сделали его отчаянным, а не трусливым.

— Я не пришёл по своей воле. Меня привело сюда отчаяние.

— *Отчаяние... Сухой, раскатистый смех. — Слабый повод для слабого существа. Ты — дитя драконов. Но в тебе нет их огня. Ты пуст. Пустота в обличье дракона. Какая ирония.*

— Они называют меня бесполезным! — выкрикнул Алистер. — Лишённым наследия! Но я чувствую, что во мне должно быть большее!

— *Большее?* Пульсация сферы усилилась. — *Ты прав, пылинка. В тебе есть нечто уникальное. Ты — идеальный сосуд. Сквозь тебя нельзя пройти — потому что в тебе нечего жечь. Ты и есть... пепел.*

— Что ты такое?

— *Я — то, что было до твоего рода. Первый вздох вулкана. Ярость звезды, упавшей на юный мир. Меня звали Рагнарос. Я — Повелитель Огня. Но моё время уходит. Мир остывает. Обрастает жизнью, которая стала слишком хрупкой... слишком скучной.*

Пламя сферы померкло. На миг Алистеру показалось, что в глубине он видит тень — древнюю, бесконечно усталую.

— *Драконы — лишь искры от моего костра. Но даже искры могут жечь. А ты — не искра. Ты — горн. Пустой горн, готовый принять последнее дыхание умирающего бога.*

— Ты умираешь?

— *Всё, что имеет начало, имеет конец. Но огонь не умирает. Он передаётся. Я искал того, кто сможет его понести. Сильные ломаются. Гордые сгорают. А ты... в тебе нет ни силы, ни гордыни. Только ненависть. И жажда стать кем-то.*

Голос стал тише. Интимнее. Смертельно опасным в своём предложении.

— *Возьми мой огонь, дитя пустоты. Стань моим наследником. Стань Пламенем, что очистит этот мир от хлама, который он породил.*

Не предложение — судьба. Последний шанс для обоих.

Алистер закрыл глаза. Увидел лицо отца. Услышал насмешки Виктора. Почувствовал пустоту в груди.

— Да.

Не крик. Слово, изречённое как приговор себе.

Мир взорвался.

Сфера обрушилась на него. Не дар — насилие. Древняя мощь врывалась в него, выжигая клетки, плавя кости, испепеляя душу. Он кричал — но это был не крик боли. Рёв творения. Пустота наполнялась огнём. Печать на груди вспыхнула зелёным, пытаясь сдержать натиск. Не сломалась — стала маскировкой, скрывающей бушующий внутри ад.

Когда всё кончилось, Алистер лежал на камне. Целый снаружи. Но внутри бушевал океан огня. Он поднял руку — над ладонью заплесало маленькое, послушное пламя. Холодное и горячее одновременно. Чужое... и абсолютно своё.

Голос Рагнароса прозвучал в последний раз — тихий, как шёпот угасающих углей:

— *Иди, мой Преемник. И покажи им цену их пренебрежения. Мир был моим. Теперь станет твоим погребальным костром... или тронном.*

Пещера погрузилась во тьму. Огненная сфера исчезла. Рагнароса больше не было.

Алистер встал. В его глазах, всегда полных обиды, теперь горели зелёные огоньки. Он больше не был бесполезным принцем. Затаившаяся буря. Ключ, который должен открыть дверь.

Он посмотрел в сторону дворца. На губах появилась первая за долгие годы настоящая улыбка. Улыбка обещания и мести.

— Хорошо, — тихо сказал он угасшему духу. — Я покажу им. Я покажу всем.

Возвращение было похоже на возвращение в тесную, душную клетку. Но теперь Алистер носил ключ от всех её замков. Он шёл по знакомым коридорам — и всё было прежним: презрительные взгляды, шёпоты за спиной, ледяной приём в тронном зале, где Нефарий даже не удостоил его взглядом.

Но внутри бушевал океан. Холодный огонь Рагнароса клокотал в жилах, напоминая о себе жаром в кончиках пальцев, внезапной вспышкой ярости, от которой темнело в глазах. И самое удивительное — никто ничего не чувствовал.

Маги двора, способные уловить шёпот заговорщиков за милю, проходили мимо. Стражники с амулетами, вибрирующими от малейшего колдовства, не морщились. Даже Нефарий, чья мощь ощущала биение сердца мухи на другом конце замка, смотрел на сына пустым, разочарованным взглядом.

Печать Алекстразы, созданная для подавления драконьей сущности, стала идеальным щитом. Она не блокировала силу Рагнарора — маскировала её, делала невидимой, словно вода в воде. Для них он оставался «бесполезным сосудом».

И эта слепота была слаще любой похвалы.

ГЛАВА 2. РЕШЕНИЕ

Воздух на балконе пах дымом и чужим триумфом. Внизу, на арене «Когтя и Чешуи», Виктор парил в кольце ослепительных вспышек, отрабатывая новый манёвр. Восхищённый рёв свиты бился о каменные стены. Для Алистера этот звук был гвоздями, вбиваемыми в крышку его гроба.

Пламя внутри — холодное, древнее, чужое — не просто волновалось. Оно требовало.

Голос Рагнароса приходил не звуком — вибрацией в сердцевине существа. Отдалённый грохот обвала.

— Они построили свой мирок на пепле моего царства. Смотри, как играют в войну, боясь испачкать лапы. Забыли вкус настоящего огня. Ты помнишь. Ты носишь его в себе.

Алистер сжал перила. Под пальцами камень покрылся паутиной микротрещин, источавших едва заметный пар. Он не контролировал это. Сила жила в нём своей жизнью — голодным, древним зверем.

Но вместе с ней пришло иное понимание. Страх перед пустотой сменился ужасающей ясностью. Мать сделала его бесполезным для драконьего мира. А эта же пустота сделала его идеальным сосудом для силы, которая была старше понятий «полезный» и «бесполезный».

— Ты — пепел, — шептал голос. — А из пепла рождается новое. Сожги их тщеславие. Пусть страх станет кирпичами твоего трона.

«Они видят пустоту, — подумал Алистер. — Смотрят сквозь меня, как сквозь воздух. Что ж. Пора стать ураганом».

Решение созрело не как вспышка гнева — холодное, неотвратимое озарение. Он не будет шептать. Не будет ползать в тени. Бросит вызов на их поле — поле силы и публичного унижения.

Шаг, который изменит всё. Или убьёт. Но даже смерть лучше этой полуживой участи.

ГЛАВА 3. АРЕНА И ПОСЛЕДСТВИЯ

Утро на арене «Когтя и Чешуи» оглашалось звоном стали, рыками и животным восторгом толпы. Здесь драконья знать поддерживала миф о своей воинской доблести.

Когда Алистер ступил на песок — рыжий, пропитанный кровью, — мир не перевернулся. Его просто не заметили. Фигура в потрёпанной одежде была частью пейзажа: слуга, метельщик, тень.

Он прошёл к центру, где скрестили клинки двое сыновей генералов. Корвус, массивный, с топором. Марк, поджарый и быстрый, с изящным мечом. Их бой был красивым, жестоким танцем.

Алистер остановился, прервав ритм. Сначала на него посмотрели с раздражением. Потом — с узнаванием. Гул арены сменился изумлённым ропотом, а затем — нарастающей волной смеха.

— Алистер? Ущербный, ты потерялся? — крикнул Корвус, опуская топор. — Иди отсюда, пока не раздавили.

Алистер не ответил. Его взгляд был прикован к высокой, затемнённой ложе, скрытой резными ширмами из обсидиана. Там сидел Повелитель. Отец.

— Я пришёл не по приглашению. — Голос, тихий, но отточенный годами молчания, прорезал воздух неожиданно чётко. — Я устал ждать. Раз вы не хотите видеть мою ценность, я вынужден её продемонстрировать.

Он повернулся к воинам.

— Вы называете меня пустым местом. Бесполезным. — Он обвёл взглядом зрителей. — Так докажите. Покажите всем, как легко сломить того, в ком нет вашей магии. Или... — в его глазах вспыхнули красные огоньки, — ваша сила только против безоружных?

Смех стих. На смену пришло любопытство хищников, учуявших лёгкую добычу.

Марк фыркнул и, не церемонясь, сделал выпад. Не лезвием — рукоятью меча, прямо в солнечное сплетение.

Удар был точным. Алистер согнулся, воздух с хрипом вырвался из лёгких, и он рухнул лицом в песок.

Толпа загоготала. «С первого удара!» «Я же говорил!»

Но он пошевелился. Медленно, с показным усилием, оттолкнулся от песка, встал на колени, потом на ноги. Отряхнулся. В глазах не было боли. Ожидание.

Раздражённый Марк ударил снова — клинком плашмя по лицу. Глухой щелчок, кровь брызнула из рассечённой щеки. Алистер снова упал.

И снова поднялся.

Смех стал тише. Рана на щеке была глубокой, зияющей — видна кость. Но через несколько секунд плоть начала стягиваться. Словно невидимая рука штопала кожу. Через полминуты от удара остался только розовый шрам.

Над ареной нависла тишина такой плотности, что она склеила между собой взгляды зрителей и шёпот песка на арене.

— Что за чёртова... — прошипел Корвус, и в его голосе впервые прозвучала тревога.

Они набросились вдвоём — не как воины, как разъярённые быки. Корвус бил молотом, Марк — ногами и древком копья. Алистера швыряло по арене, как тряпичную куклу. Треск рёбер, хруст ключицы.

Но он поднимался. Каждый раз чуть быстрее. Дыхание из прерывистого стало ровным, глубоким. В его глазах, залитых кровью, читалось не страдание — холодное, ледяное любопытство. Он изучал пределы того, что сделала с ним мать. И реакцию древнего огня внутри.

— ХВАТИТ! — взревел Марк, отскакивая. Его лицо исказила бессильная ярость. — С меня хватит! Ты покойник, выродец!

Он отшвырнул меч. Пальцы, дрожа, сплелись в сложной конфигурации. Знатоки в ложах ахнули. Воздух вокруг Марка почернел, запахло серой, гнилью.

— Марк, нет! Это «Адское Пекло»! — закричал Корвус, отползая к краю арены.

Но поздно. Из сложенных ладоней вырвался вихрь чёрно-багрового, живого пламени. Оно не горело — оно скрежетало, выедавая реальность.

И в этот миг Алистер почувствовал: на груди, под тканью рубахи, Печать Алекстразы вспыхнула ледяным зелёным светом. Не для защиты. Она задрожала, пытаясь скрыть чудовищную волну, поднимавшуюся из пустоты.

Страх сжал горло. И стал последней каплей.

Алистер не произнёс заклинания. Не сделал жеста. Он просто... разрешил.

Тело вспыхнуло изнутри. Кокон беззвучного белого свечения. Не жар — сам жар, сконцентрированный до точки. Песок под ногами взвился и обратился в дождь расплавленного стекла. Воздух затрепетал, загудел, как струна перед разрывом.

Струя «Адского Пекла» ударила в щит. И исчезла. Не рассеялась, не отразилась — поглощена силой, древнее любого заклинания, старше любого бога.

Алистер медленно поднял голову. Его глаза стали двумя колодцами красного огня. Он посмотрел на Марка — не со злобой, с презрением, холодным, как межзвёздный вакуум.

Он выдохнул.

Из раскрытой ладони вырвался бич. Не пламени — истинного огня, каким он был при рождении мира. Ослепительно-белый, ревуший. Он прошёл в сантиметре от головы Марка.

Доспех на плече и руке не расплавился — испарился. Без капли металла, без клочка кожи. Рука и плечо превратились в гладкие, обугленные культы.

Марк не закричал. Замер, глаза остекленели от шока.

Белый бич ударил в магический барьер арены. Древние руны вспыхнули на миг — и погасли навсегда. Каменная стена за барьером обратилась в фонтан лавы.

Начался хаос.

Первый крик разорвал тишину. Ложи знати превратились в ад. Аристократы, воины, дамы — все смешалось в панической давке. Но маги... маги онемели. Их дар чувствовать потоки магии столкнулся с невозможным. Там, где бушевала сила, способная испепелить гору, их разум не фиксировал ничего. Разрушение, жар, свет — и абсолютная магическая тишина. «Ничто», обретшее форму всепоглощающего «всё».

Свечение погасло. Алистер стоял один среди дыма, стекла и потёков лавы, в обгоревших лохмотьях. Он перевёл взгляд с обугленного культи Марка на оцепеневшего Корвуса. Потом медленно поднял голову к затемнённой ложе.

Он не сказал ни слова. Но послание было ясным:

«Смотри. Твой Золотой Век кончился. Пришла пора Пепла».

Нефарий не двинулся. Статуя, высеченная из шока. Его пальцы впились в базальтовые ручки трона — не оставили трещин, вжались в камень, как в мягкий воск. На лице — ни ярости, ни возмущения. Чистое, беспримесное ошеломление.

Он видел не сына. Феномен. Нарушение всех законов, которые он вписал в этот мир. Его мощь впервые встретила не сопротивление — иное измерение. Он не чувствовал эту силу магически — его сенсоры молчали. Но душа, дракона-победителя стихий, узнала вкус. Вкус расплавленного гранита мироздания. Запах эпохи, когда он сам был лишь одним из многих.

«Бесполезный сосуд», «ущербный», «живое напоминание» — ярлыки испарились. Перед ним стояла загадка. Опасная. Но загадку можно разгадать. Использовать.

Холодный разум стратега заглушил отца и мужа.

— Доставить его в Башню Молчания, — голос Нефария был тихим, плоским, лишённым эмоций. — Охране не приближаться, не сковывать. Просто сопровождать.

Он оторвал взгляд от арены и встретился с Гвеневрой. В её ледяных глазах он прочитал не страх — тот же расчёт. И тень чего-то ещё. Может, давно забытой сестринской печали.

— И найти всё, что есть об артефактах Первой Эпохи, — добавил Нефарий, глядя в пустоту. — Об истинной природе Стихийных Властителей. И о методах контроля над аномалиями.

Башня Молчания ждала. А внизу, на арене, среди пепла и ужаса, Алистер сделал свой первый шаг из тени.

ГЛАВА 4. ОТЕЦ И СЫН

Воздух в Тронном зале был тяжёлым, как расплавленный металл. Стены из чёрного обсидиана не отражали свет — поглощали, возвращая миру искажённые, уродливые подобию. Факелы в пустых глазницах черепов поверженных титанов бросали на пол дёргающиеся тени.

Алистер стоял в центре. Остатки белого пламени изредка пробегали по его рукам холодными змейками, шипя при контакте с магически насыщенным воздухом. Он дышал ровно, замедляя сердцебиение. Страх не пришёл — его место заняла ледяная ясность. Он был аномалией в сердце системы. И система теперь вынуждена была на него смотреть.

На возвышении, слева от трона, стояла Гвеневра. Её лицо — маска из морозного мрамора. Но в глубине взгляда бушевала буря: стремительный, безжалостный анализ, смешанный с чем-то неуловимым. Может, отголоском той печали, что заставила Рагнароса назвать мир «скучным».

Справа застыл Виктор. Поза — вызов, но лицо выдавало его. В глазах наследника пылала не просто злоба — унижительная, сокрушительная зависть. Идеальный продукт системы: сильный, магически одарённый, воспитанный на мифе о собственном превосходстве. И сейчас этот миф был растоптан тем, кого он считал пустым местом. Пальцы впились в рукоять церемониального меча — казалось, вот-вот раздавят драконий зуб.

Нефарий не сидел на троне. Он был его продолжением. Каменное изваяние начинало оттаивать, обнажая не гнев — глубокую, сосредоточенную отстранённость.

— Пламя... — начал он. Голос был тихим, но заполнил каждый угол зала, как басовый гул земли. — ...не драконье. Не человеческое. Даже не демоническое. Его вкус... старше. — Он медленно склонил голову, взгляд просканировал Алистера. — Я чувствую прах стихий, которые умирал. Запах мира до нашей эпохи. Говори. Где ты нашёл останки Рагнароса?

Алистер поднял взгляд. Встретился с отцом глазами. Впервые. Без дрожи. Пустота внутри, заполненная чужим огнём, давала призрачную, но несокрушимую опору.

— Он нашёл меня. — Голос был хриплым от дыма, но не дрожал. — На Мёртвой Равнине. В разломе. Сказал, что его время прошло. Мир остыл. И он искал того, кто сможет принять последний уголь его костра, не сгорев. — Пауза. — Он нашёл меня потому, что во мне нечему было гореть.

Тишина. Нефарий услышал не хвастовство — горькую правду. Ту самую, что докладывали пятнадцать лет назад: «он пуст».

— «Нечему гореть», — повторил Нефарий без интонации. — И ты считаешь это благословением? Лишённый когтей, крыльев, дыхания нашего рода — ты полагаешь, что роль ёмкости для отбросов истории делает тебя значимым?

Слово «значимым» он произнёс с лёгким оттенком презрения. Презрения архитектора к случайному кирпичу.

Холодное пламя в жилах Алистера вскипело. Оно требовало сжечь этот тон. Но он сжал его внутри, позволив лишь паре искр вырваться из-под пят — пол оплавился на мгновение.

— Я не прошу быть значимым в *вашем* мире. — В его голосе впервые прорвалась накопленная годами горечь. — Я доказал, что ваш мир можно сломать тем, что он же отбросил. Ваше «наследие» оказалось хрупким. — Его взгляд метнулся к Виктору. — В отличие от вашего истинного наследия... которое играет в солдатики, не зная вкуса настоящего огня.

Виктор, рыча, рванулся вперёд.

— Я покажу тебе вкус огня, ущербный...

Но не успел сделать шага. Рука Гвеневры — тонкая, железная — обхватила его запястье. Взгляд, брошенный на сына, не содержал упрёка. Приказ: «Молчи. Не твой бой».

И тогда поднялся Нефарий.

Он не встал — вознёсся. Истинная форма, титаническая мощь, на мгновение отбросила чудовищную тень, поглотив слабое сияние Алистера. В этой давящей темноте чувствовалась мощь того, кто сковал стихии.

— Ты учишься дерзости. — Голос исходил не с трона — отовсюду, как голос бури. — Дерзости щенка, нашедшего брошенный клинок. Но клинок остаётся клинком. — Тень отступила, Нефарий снова был человекоподобной фигурой. — Твоя сила — аномалия. Непредсказуемая. Опасная. Для тебя в первую очередь.

Он сделал шаг вперёд — пространство между ними сжалось.

— Но аномалию можно изучить. Направить. С этого момента ты перестаёшь быть призраком при дворе. Ты станешь учеником. Моим учеником. Будешь учиться контролировать этот огонь. Не для себя. Для империи.

Пауза. Следующие слова он произнёс с леденящей чёткостью, вбивая их, как гвозди:

— Ты станешь лезвием в моей руке. Лезвием, которое я направлю на горло настоящим врагам. На тех, кто расколол империю. Кто украл мою королеву, растлил умы моих детей и строит своё королевство на костях нашего величия. На предателей.

Он не назвал имени Алекстры. Не нужно было. Каждое слово — отравленная стрела в сердце сына. Но яд был сложным: он говорил не только о матери-предательнице. О расколе, краже, жалком королевстве на костях.

В сознании Алистера, годами питавшемся крохами с чужого стола, эти понятия начали мутировать.

«Враги... украли... королевство...»

Его взгляд скользнул по лицу Виктора — маска ненависти. По бесстрастному лицу Гвеневры. По каменному лицу отца, в котором он теперь видел не разочарование, а жадный, холодный интерес.

В глубине души, там, где обида встречалась с яростью Рагнароса, родился план. Чистый, холодный, безжалостный.

«Хочешь сделать из меня лезвие, отец? Идеально. Я приму твою заточку. Изучу твои приёмы. Стану самым смертоносным клинком, который ты когда-либо держал. А когда ты отправишь меня в сердце моей матери... мы посмотрим, чья рука дрогнет первой. И в чью плоть войдёт остриё».

Алистер опустил голову. Имитация покорности. В глубине зрачков вспыхнул холодный зелёный блеск — не пламени, расчёта.

Гвеневра, наблюдая, как опускает голову племянник, почувствовала ледяную тяжесть на сердце. Она видела не покорность — как закрывается люк. И где-то в глубине души, под толщей долга и холодной логики, шевельнулся страх, который она когда-то читала в глазах сестры: страх перед тем, что ты создаёшь монстра, убеждая себя, что это лишь инструмент.

ГЛАВА 5. КОРОЛЕВСТВО ЛЮДЕЙ И СЕМЕЙНЫЙ РАЗЛАД

Пока в чёрных чертогах драконьего замка ковалось отравленное оружие, в королевстве людей зрела своя трагедия. Не столь громкая, не столь огненная — но оттого не менее глубокая. Здесь воздух пах дымом очагов, мёдом и яблонями. Но под этой идиллией, как под ковром, скрывались трещины, расходившиеся от самого сердца правящей семьи.

Калесгоз был драконидом — антропоморфный дракон с мощными, рельефными мышцами, обтянутыми тёмно-чешуйчатой кожей. Его массивные плечи, широкие крылья, сложенные за спиной, и длинный хвост с шипами делали его похожим на ожившую крепость. Он нахдил опору лишь в железной логике войны. Но под каменной кладкой его воли тлели угли обиды: на мать, чья жертва лишила его брата и, как он верил, оградила его самого от собственной силы. Его магия, унаследованная от драконов, была для него глухим, неразборчивым шёпотом в крови — намёком на величие, которое он мог бы постичь, но которое теперь ассоциировалось лишь с предательством и потерей.

Валерия была иной — что-то среднее между человеком и драконом, как её мать. Светлые, почти белые волосы, золотистые глаза, которые, казалось, видели насквозь. Красивая — почти болезненно, как в детстве. Но эта красота была обманчивой: её взгляд постоянно сканировал окружающих, ища боль, которую можно исцелить, трещину, которую можно залатать. Её пальцы могли сплетать свет в живую плоть. Но перед трещинами в душах близких она оказалась бессильна. Вера в добро была абсолютной — но слепой к оттенкам. Она видела боль брата и сестры и пыталась залить её чистым, ярким светом, не понимая, что некоторые тени от такого света становятся только гуще.

Роза была почти человеком — тёмные, цвета ворона волосы достались ей от отца, чьи гены оказались сильнее. В её смешанной крови люди видели символ союза, надежду на будущее, исполнение древнего пророчества. Но сама она под этим грузом чувствовала себя не Избранной — заложницей. Каждый взгляд, полный ожидания, был удавкой на её горле. Она изнуряла себя на тренировках не из амбиций — из панического страха однажды увидеть в глазах матери и брата разочарование. В ней тлела магия света, ещё не развитая, непроснувшаяся. И это тоже пугало.

Их беда была не в недостатке любви, а в её неправильном применении. Они любили друг друга отчаянно, болезненно — и потому ранили каждый день.

Покои Алекстразы не походили на тронный зал. Большая комната, где камин был центром мира. Дубовый стол, простая еда: тушёная баранина с кореньями, тёплый хлеб, мёд. Но тёплый свет огня не мог растопить лёд, выросший между сидящими.

Калесгоз, в своей вечной кожаной куртке, отодвинул тарелку. Еда почти не тронута.

— Разведка донесла с северного рубежа, — голос ровный, как рапорт. — Патрули отмечают не просто следы лазутчиков. Системность. Ищут слабое звено. Готовят удар.

Алекстраза отставила кубок. Пятнадцать лет войны высекли на её лице карту постоянного напряжения. Она была прекрасна, как закат над выжженным полем.

— Он всегда готовит удар. Это его язык. — Без эмоций, как констатацию погоды. — Усиливаем гарнизоны. Копаем рвы. Всегда так делаем.

Роза сидела сгорбившись, будто пыталась скрыться за краем стола. Подняла глаза. В них — не огонь воительницы, тихая, упрямая решимость.

— Тогда... пусть я поведу один из патрулей. Самый спокойный участок. — Голос тише шелеста листвы за окном, но все услышали. — Я должна научиться не фехтовать на песке — видеть поле боя. Чувствовать. Иначе пророчество так и останется сказкой.

Валерия мягко положила руку поверх её. По коже Розы пробежала волна тепла, сняв спазм в плечах.

— Ты учишься каждый день. Но мудрость полководца приходит не с силой удара — со временем и потерями. — Валерия говорила так, словно каждое слово было целебным семенем. — Боюсь, ты захочешь ускорить время, заплатив потерей, которую мы не сможем исцелить.

Калесгоз фыркнул — резко, как удар топора.

— Мудрость? Время? — Он откинулся, стул жалобно заскрипел. — Пока мы жуём хлеб и рассуждаем, Нефарий точит когти! Он не ждёт, пока наша «Избранная» созреет! — Кулак, тяжёлый, как молот, обрушился на стол. Дерево треснуло. Кубки подпрыгнули. — Прячемся за пророчеством, как за стеной! А стены, за которыми только прячутся, рано или поздно рушатся!

— Калесгоз! — Голос Алекстразы прозвучал не криком — ударом грома, рождённым в самой драконьей сути. Комната содрогнулась. В глубине зрачков метнулись зелёные искры. — Мы здесь не для того, чтобы повторять его путь! Мы строим! Каждый защищённый дом, каждое поле — удар по его империи страха! Я не позволю тебе вести нас к победе, которая ничем не будет отличаться от его тирании!

Калесгоз медленно поднялся. Гора пришла в движение. Его тень поглотила стол.

— Его путь? — прошептал он. В шёпote — страшная, леденящая тишина. — А какой путь выбрала ты, мать? Когда увела нас, а его... — Пауза. Имя, которое он не произносил годами, вырвалось, как стон из раны. — ...Алистера... оставила там. В его лапах.

Воздух вымер. Пламя в камине, казалось, застыло.

— Ты наложила Печать. Сделала пустым. Бесплезным в их глазах. — Калесгоз говорил ровно, с мертвенной чёткостью вскрывателя тел. — Но ты сделала его бесплезным и для нас. Лишила не брата — оружия. Принца-дракона, который мог бы стать мечом и щитом. Вместо этого... — Его взгляд упал на Розу, и он не договорил. Сжал челюсти — послышался скрежет.

Не стал ждать ответа. Развернулся, зашагал к двери. Дубовая дверь не захлопнулась — взорвалась от его ухода, вырвавшись с петель и рухнув в коридор с грохотом, похожим на залп катапульты.

Валерия тут же оказалась рядом с матерью, обняла, изливая в окаменевшее тело тихий поток утешающего света. Алекстраза не реагировала. Сидела, уставившись в точку на столе, где треснуло дерево. Лицо — маска, под которой бушевала вселенная вины и тоски.

Роза не плакала. Смотрела на свои руки, лежавшие на коленях. Тонкие, жилистые, с мозолями от меча — всё же человеческие. Чувствовала тяжесть взгляда брата, даже отсутствующего. Думала не о пророчестве, не о долге. О мальчике с пустыми глазами, которого никогда не видела.

«Он прав. Если бы на моём месте был он... никому не пришлось бы ждать. Не пришлось бы бояться. И мать не выглядела бы так, будто проиграла войну ещё пятнадцать лет назад».

Вот так, без единого выстрела, семья, скреплённая любовью и выживанием, нанесла себе рану, которая, возможно, кровоточила сильнее любой драконьей атаки.

ГЛАВА 6. СОВЕТ У НЕФАРИЯ

Тронный зал был полон силы в её самой концентрированной форме. В свете факелов, горящих в глазницах черепов, поблёскивала чешуя на груди генералов. Здесь взвешивали угрозы и выбирали инструменты для уничтожения.

В центре, перед тронном из окаменевшей магмы, стоял Алистер. Без доспехов, в простом тёмном камзоле. Осанка прямая, без вызова. Он стоял как инструмент, демонстрирующий заточку.

— Отец. — Голос, окрепший за месяцы тренировок, разрезал гулкий шёпот. — Прямой штурм сломит их стены, но обескровит и нас. Они ждут дракона у ворот. — Пауза. — Они не ждут того, кого сами впустят в дом. В облике жертвы.

Нефарий не двинулся. В его глазах — холодный, тяжёлый скепсис.

— Ты предлагаешь дракону ползать на брюхе, как червь? — Голос низкий, от него звенят стеклянные инкрустации на доспехах стражи. — Мы не воры. Карающий молот.

Слева от трона заговорила Гвеневра. Её взгляд — аналитический, безжалостный — был прикован к Алистеру.

— Это не план. Предположение с тысячами переменных. — Слова падали тихо и неумолимо, как снег, заметающий следы. — Отправлять его одного в логово Алекстразы — бросить в омут единственный ключ. Моя сестра не слепа. Она чувствует искажения. Живую боль. Одна ночь, один сон, одна вспышка его... состояния — и он потерян. Не как шпион. Как доказательство нашей слабости.

Справа раздался скрежет — когти по камню. Смеялся Виктор.

Он был крупным дракони́дом — под два с половиной метра ростом, с мощными плечами и тяжелой челюстью. Чешуя на его руках отливала тёмным багрянцем, крылья за спиной были сложены с показной небрежностью. Он смотрел на Алистера свысока — в прямом и переносном смысле. Во взгляде читалось привычное, почти рефлекторное презрение.

— О, кузен, — голос сладкий, как мёд. — Гениально. Ты будешь притворяться человеком! А когда их деревенский знахарь попросит показать искру магии, чтобы залечить мозоль? Или, когда их девчонки начнут приставать к «сильному молчаливому солдату»? — Театральная пауза. — Будешь рассказывать сказки о том, каково это — быть никем?

Он скрестил руки на груди и бросил быстрый взгляд на отца — чарующий, почти молитвенный. Тот самый взгляд, которым он смотрел на Нефарию всегда: смесь обожания и жажды одобрения. Потом перевёл взгляд на Гвеневру — тепло, с гордостью. Для неё у него всегда находилась улыбка чуть мягче, чем для остальных.

Алистер не повернул головы. Игнорирование было полным, на грани оскорбления. Он продолжал смотреть на отца, будто Виктор был фоновым шумом.

— Они не попросят, — голос Алистера был ровный. — Я не пойду к знахарям. Вольюсь в их армию. Стану солдатом, чья единственная магия — ненависть к драконам. — Уголки губ дрогнули в оскале. — Буду использовать то, чему научился здесь: тактику, выносливость, искусство убивать без вспышек. А моя «слабость»... — пауза, взгляд стал абсолютно прозрачным. — ...отсутствие магии станет моей легендой. Кто заподозрит в озлобленном, молчаливом человеке-тени принца?

Нефарий замер. Скепсис кристаллизовался в интерес. Логика была безупречной.

— А источник силы? — спросил Повелитель тише, опаснее. — Угли Рагнароса. Как скроешь жар?

— Они не дадут о себе знать, пока я не разожгу их на расстоянии. — Алистер шагнул вперёд, тень стала острее. — В казармах, на складах, в фундаменте... появятся камни с рунами.

Дешёвые обереги от сглаза. А когда крепость уснёт, уверенная в безопасности... одним шёпотом я обращу их в семена ада. Стены взорвутся изнутри. Пища станет пеплом. Вода — паром.

В глазах Нефария вспыхнуло отражение плана. Красивого в своей абсолютной жестокости.

— И... девочка? — прошептал он. — Роза. Пророческая надежда.

Алистер не дрогнул.

— Я изучу её. Маршруты, слабости, доверчивость. — Его голос упал до ласкающего шёпота. — Представьте, отец. Их «Избранная» публично обвиняет мать в предательстве. В том, что пророчество — ложь. Строй рухнет не от меча — сгниёт изнутри от сомнения. Пророчество обратится в проклятие.

Тишина стала глухой, вязкой. Виктор замер — в его глазах мелькнуло не понимание, а первобытное отвращение.

— Ты хочешь выиграть войну, даже не вступив в бой? — Виктор не сдержался. — Спрятаться в тени и торговать ложью? — Он дёрнул плечом, и крылья за спиной нервно взметнулись. — Это не достойно нашего рода.

— Наш род уже показал свою «достоинность», — тихо парировал Алистер, не глядя на него. — И проиграл.

Виктор вспыхнул, челюсть напряглась — но Гвеневра бросила на него короткий взгляд, и он сжал зубы, промолчав. Взял себя в руки. С трудом.

Нефарий кивнул. Веско.

— Так и будет. — Он поднялся с трона, тень накрыла Алистера. — Ты получишь ресурсы. Легенду. — Пауза. — Но запомни: если печать сорвётся, если тебя заподозрят... пощады не будет. Ни от них, ни от нас. Для Алекстразы ты станешь шпионом, которого казнят. Для меня... — взгляд стал абсолютно пустым. — ...неудачным экспериментом. Ты понимаешь?

Алистер опустил взгляд на руки. Над костяшками воздух задрожал и побелел от мгновенного жара — и тут же исчез.

— Я понимаю. — Когда он поднял голову, в глазах горела холодная, фанатичная определённости. — Чтобы доказать, что я не ошибка, я стану идеальным орудием. Чтобы заслужить имя дракона... — губы искривились в горькой усмешке. — ...сыграю роль человека лучше любого человека.

В этой фразе заключалась ирония, которую не понял никто. Даже Гвеневра — в её ледяных глазах отразилась только тень летящей в пропасть птицы. Она видела не план. Видела, как само понятие предательства совершает качественный скачок. И молчала. Потому что её долг — укреплять империю. А не спасать души.

ГЛАВА 7. ПРОНИК

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.